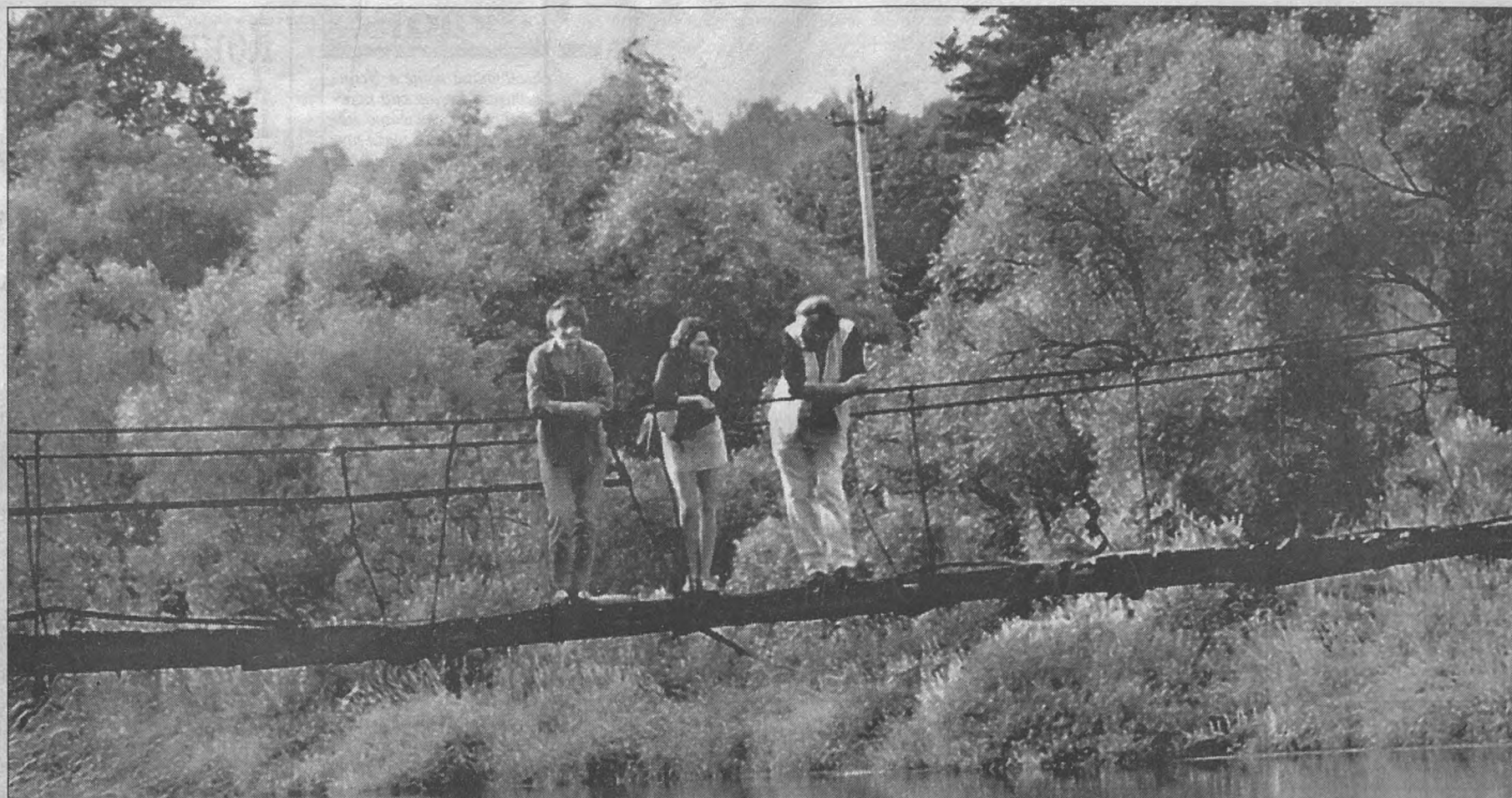

Арбуз был вкусный. Пейзаж — живописный. Писатель — вальяжный.

Все как полагается.

Мы на даче у Виктора Ерофеева — автора романов «Русская красавица», «Мужчины», «Страшный суд», «Энциклопедия русской жизни» и бесчисленных эссе

ДВУХКОМНАТНЫЙ ЭРМИТАЖ

Встреча. Москва. — 2000. — 7 июля. — 015

Открою страшную тайну: вообще-то, дачи у писателя нет. Есть городская квартира в дачном поселке Красновидово. «Если «Красновидово» перевести на французский, получится «Belle vue», — хвастается Ерофеев. — Здесь один из немногих эротических пейзажей Подмосковья, пульсирующий. У нас видно, что Земля круглая». «А пуп Земли есть?» — допытываюсь я. «Есть — наш сосед Эдик Радзинский. Но он не Пуп, а Пупсик», — смеется Веседа, жена писателя. Двухэтажные кирпичные корпуса, английский газон, небольшая светлая квартирка с кухней и всеми «удобствами». «У моих родственников в Польше настоящая дача — большой деревенский дом. Но за ним надо следить. Я поняла, что с Виктором это не получится», — вздыхает Веседа. Зато в квартире получился польский клуб: телевизор ловит два польских канала, которые, кроме Веславы, смотрят и Виктор, и их 24-летний сын Олег. Но потолки в «клубе» все равно протекают...

Галина ГРИШИНА,
Владимир ГЕРДО (фото)

Дачные галлюцинации

— Почему завязка романа «Русская красавица» происходит на даче?

— Разлитая по всему тексту эротическая стихия должна была найти свое географическое место. И нашла: это дача, где знакомятся герои. Причем на этой даче происходит одно из самых загадочных явлений. Главная героиня приезжает туда зимой. Помните, они еще с подружкой Ксюшей валяются в сугробе и тыкают черными колготками в небо? Потом Ксюша уезжает в Москву, героиня остается, знакомится с главным героем, и тот везет ее в город. Вдумайтесь, и вы обалдеете: он ее везет летом! Там трава растет, мычат коровы — это лето. И никто никогда не замечал! Вот это и есть чистая галлюцинация, а не репродукция глюка, как у Пелевина.

— В «Русской красавице» есть еще одно галлюциногенное место: где облака проплывают, как косметические ватки. Это что, видение? В Советском Союзе и слов-то таких не было!

— Это воспоминание из детства: я был посольским ребенком и рос в Париже. Эти ватки дают возможность попасть в ситуацию, в которой жила Русская Красавица. Она первой начала пользоваться косметическими ватками, она вообще была первой свободной русской женщиной. Когда я ехал по стране, ко

мне подходили тетки среднего возраста и говорят: «Мы даем почитать «Русскую красавицу» своим знакомым. Если нравится, значит, можно дружить, значит жизнь понимает».

— Что-то пахнет комсомольским собранием: «А можно ли с ней дружить?»

— Ну, тетки же оттуда... — Кстати, о женщинах. Эпохальный фильм «Зимняя вишня» утвердил миф: дом — это семья, жена, постоянство, а дача — это отдых от будней и прибежище незаконной любви.

— Любовница для женатого человека — это не отдых, а дополнительная нагрузка... Дача — это не только гедонизм с презервативом или без. Я думаю, город — это христианское времяпрепровождение, а дача — буддистское.

Будда, вышитый на коврике, одобрительно смотрит на нас со стены. «Это мы с Гребенщиковым в Непале покупали», — замечает Ерофеев.

Безумные грядки

— Дача и литература повязаны навек?

— Сама по себе дача — идеальное место для литературной интриги. Она подразумевает гораздо более свободное отношение к жизни, в то же время есть замкнутое пространство, что необходимо для любого художественного произведения. Это ощущение простора, полета, ветра, тепла, очень редкого для России. И гурманства. Потому что дача всегда соединяется с желанием есть. Да-

Ласточкино гнездо
на балконе

же сосиски на даче вкуснее полу-чаются. Дача, вслед за баней, — наиболее эротическое место и, уж во всяком случае, наиболее чувственное. Поэтому дачу описывали с большим удовольствием, чем тухлые московские дворы. Дача — это отдых от задерганной, закрученной русской жизни. Исход в иллюзию свободы.

— Почему в иллюзию?

— Любая свобода — иллюзия. Нам в этих трех измерениях не дано почувствовать ни свободу, ни другие чувства, а дано почувствовать их иллюзии. Единственная реальность — это смерть.

— Кого в русской литературе можно считать «певцом» дачного отдыха?

— В самом слове «певец» уже видно противоречие. Можно быть певцом Генштаба, а певцом дачи — нет. Воспевать дачу не хочется, она не пафосна. На даче хочется жить очень мягко. Оваль-

ность, непрямуюжность дачной жизни не подразумевает каких-то гимнов, а подразумевает единение с местом. Дачу должен увидеть каждый писатель, это ки-слород для мозга.

— Как часто вы бываете на этой «даче»?

— Каждую ночь. Приезжаю поздно вечером и работаю часов до шести. Поработав, бегаю вдоль речки 42 минуты, норматив такой — ГТО. Потом возвращаюсь весь в мыле и уезжаю в Москву. Первую половину дня сплю, вторая половина дня — кусок социальной жизни, потом некая расслабуха, а потом опять ночь работы.

— Здесь легче пишется?

— В Москве меня просто за-далбливают звонками все, вклю-чая вас. А здесь нет телефона, нет факса, нет мобильного. В про-шлом году был пейзаж, так я из-шелся — бегал в котельную звонить. В этом году я его отключил. Здесь — как перерезать кабель. Я намеренно не завожу знакомств с соседями, чтобы они не звонили в дверь и не приходили с бутылкой водки, намеренно не экспанси-руюсь из квартиры.

Здесь продуктивное одиноче-ство. Я вообще считаю, что ос-новная проблема России — не коммунисты и демократы, а борьба двух ментальностей — продуктивности и контрпродук-тивности. В нашем сознании много контрпродуктивного, включая ту же водку. Красное ви-но — это продуктивно, а водка — нет.

— С бутылкой водки, может, кто и ходит, но большинство на даче все-таки грядки копают.

— Грядка со всех точек зрения — безумная идея. Во-первых, от-дых превращается в работу, во-вторых, эта работа мало чего дает. Это тоже элемент контрпродук-тивности, болезнь страны: кре-стьяне не перестали быть кресть-янами, а живут в городе. Но я не хочу никого обижать. Есть люди, у которых очень странные хобби, главное, чтобы они не носили ущерба другим людям. Я думаю, копание грядок — извращение, способное доставить удовольст-вие.

Недалеко от поселка, на берегу речки — огромное поле. Нес-колько лет подряд его засеивали кукурузой... «Она была такая, знаете, с маленькими початками.

Это же деликатес и очень полез-но, а здесь их никто не ест. Я со-бирала, варила — так вкусно!», — вспоминает Веседа.

Ноутбук как проводник космической энергии

— Почему вы не живете на даче?

— Я — испорченное дитя горо-да. Там все завязано в такой клу-бок, что его надо держать, не вы-пускать из рук. Еще огромный кусок жизни — мои путешествия. Я очень много езжу, в России не бываю по полгода.

— И в путешествиях пишете?

— Да, я беру с собой ноутбук. Это не завуалированный страх смерти, не для того, чтобы насле-дить побольше — это необходи-мый обмен энергией. Книжки все пишется на небесах. Книжку надо скачать с неба, а не написать

новую. Это особое медитативное состояние: надо найти свою книжку, чтобы чужую не скачать. Я не принимаю никаких неесте-ственных поз, место моей меди-тации — это душ. Я могу под ним стоять просто часами.

— Ой, а ноги не устают?

— Возникает непонятное ощу-щение. А про ноги вы правильно заметили: я бы так не простоял нигде. Представляете: я так в углу встану? Нет, это невозможно, я бы взвыл через пять минут! Веседа считает, что я — извраще-нец души.

— Отличается то, что вы напи-сали на даче и то, что написано на берегу океана?

— Как может отличаться? Это же все из космоса!

— Ну, вдруг каналы на чужбине засоряются...

— Если плохо слышно, то луч-ше этим вообще не заниматься. Я когда что-то теряю, не воспол-няю, — знаю, что услышу второй раз. Этим писатель отличается от журналиста. Писатель — раб сло-ва, а журналист превращает слово в своего раба.

Из всех современных писате-лей Виктор Ерофеев признает только Виктора Сорокина и Вик-тора Пелевина. За дружеским ужином Сорокин сказал Ерофе-ву: «Мы с тобой и Пелевиным по-делили всю Россию».

Облегченный вариант жизни

— Бывало такое, что вы уни-чтожили написанное?

— Я мало написал плохих ве-щей — что-то не получается...

— Тогда вам, как гениальному писателю, полагается дача в Пе-ределкине.

— У меня было желание полу-чить бесплатную дачу в Передел-кине, как у каждого русского ха-лявшика. Но — сорвалось, и я не жалею: большей писательской склоки, чем там, трудно себе представить. И вообще, я писа-телей не очень люблю. Они все какие-то тяжелые. Геморрой у всех...

— Но это, наверное, професси-ональная болезнь.

— Нет, у меня нет геморроя. На-до просто бегать чаще. В Передел-кине была классическая эпоха, ко-

гда там жили люди, которые не хо-тели ввязываться в коммунистиче-ское строительство. Улица в горо-де была советской, а переделкин-ское поле — нет. Кстати, чиновни-ки были этим очень озабочены и писали письма, что «беспартий-ные писатели собираются и гово-рят». Тех писателей я немного знал: к Каверину часто приезжал на дачу — я был, наверное, его по-следней любовью. В Переделкине они скрывались от писательских собраний. Надо, например, ис-ключать Пастернака, но это же вы-бираться в Москву — целое пу-тешествие!..

— Иностранцы очень завидуют нашим дачам, но почему-то не ре-шаются повторить то же самое на своих голландских или француз-ских сотках. Почему?

— Я очень боюсь слова «ино-странцы». Когда русский человек произносит слово «иностранец», мне сразу понятно, что мы не ав-ляемся частью цивилизации. По-чему они не решаются? Дача — это только русское понятие, по-тому что на Западе существует загородный дом и городской дом. Загородный дом ничем не отличается от парижского или лондонского дома: там тот же комфорт, те же «ритуальные» ус-луги. Единственное, что там де-лают — облегченный вариант ме-бели: соломенную какую-нибудь ставят. В России квартира связа-на с тяжелой жизнью — жить в России тяжело. Дача — это уход от тяжести, даже если надо гото-вить на керосинке. Дача несет освобождение, а загородный дом не несет освобождения. Запад-ный человек, даже если тяжело живет, не знает, как это можно взять и от самого себя убежать. На «даче» он выполняет те же со-циальные функции: у него на столе факс, компьютер и теле-фон, он говорит о том же самом, о чем говорит в городе. Стиль жизни не меняется. А на русской даче стиль жизни роковым обра-зом меняется в лучшую сторону.

Напоследок я спросила, неужели Ерофеев не мечтает о ма-леньком домике с крылечком и чтобы деревом пахнул? «О ма-леньком? Есть люди, которые любят маленькие домики, ма-ленькие машинки. А я люблю пространство. Эта квартира — просто рабочее помещение. Мой ночной горшок для слива твор-ческой энергии».

Когда-то каждый классик
литературы носил шляпу.
Теперь она — всего лишь
дачный декор